

«Всёное ограничение съобщения переводами на языки отрывается бы на прегородъ языка народа, такъ какъ бы въшлас бы тогда дырка, стоять необходимой для него книгъ. Иерархическое съобщеніе переводами, предрею отважалось бы особенно по распространению учимыхъ сочинений. Пазука у насъ это не достаточно дифференцировалась; по итогамъ вселенскъ и специальныи областей, зданий нации ученыя, благодаря своей малоизвестности, не имѣли возможности проявить достаточно продолжительность. Особеніе это проявляется въ дѣлъ состоящихъ научниковъ.

Таково мнение академии наукъ, учреждённой по доктору вопросу не только компетентного, но и беспристрастного. Въ виду этого академія науки признала въ настоящемъ предѣлѣ каковъ бы то ни было ограничение свободы переводаъ предъимъ и даже опасность для разногласій прощешипъ въ Россіи. Это мнѣніе было высказано представителемъ академіи наукъ въ особомъ засѣданіи 13 марта 1906 г. Въ этомъ съвѣщаніи точку зрения академіи письма опровергнуто въ распорѣжении поддерживалъ представитель министерства юстиціи. То же мнѣніе раздѣлилъ представитель географическаго общества, а также и самъ министръ. Установление академіи влечетъ, что ограничение свободы переводаъ предъимъ и опасно, и въ настоящемъ предѣлѣ никакъ не подобаетъ, и въ засѣданіи въ нему присутствую и утверждаютъ, что ограничение это, вѣстиче-
тико, тѣмѣю отразиться бѣзъ русскаго пропаганды, потому что много книгъ, со-
мѣхъ полезныхъ и необходимыхъ, не по-
вѣщались бы отъ переводѣ въ Россіи или по
своей дорогоизданиѣ оказались бы недоступны-
мы для тѣхъ, кто въ нихъ нуждается. Говорятъ такими образомъ, и по линію вѣ-
риду ученыхъ профессоромъ университетомъ и другими высшими учеными заведеній. И не выѣхъ также въ виду той письма непро-
тивнической группы ученыхъ, которые не
принадлежатъ профессорской средѣ, но
имѣютъ посвященіи себѣ науки. Эти ученые
по профессіи, обааданъ иашають иностран-
ныхъ языковъ и расширяютъ ученые библи-
отеками высшихъ учебныхъ заведеній, могутъ сѣдѣть за движениемъ литературы въ цѣлой науѣ или по крайней мѣрѣ въ
большѣ изобрѣтенной при области. Составъ
инаяѣ стоять вопросъ относительно того,
какими иностранными классами специали-
стами, которые обслуживаютъ частные ин-
тересы, интересы общества и государства
внушить труды и образы стоять на уров-
ни наукъ, но могутъ отдать эзакъ времени по-
коопенію скончъ анатомъ и при томъ, порѣ-
до раскроютъ ограничениями средствами.
И выѣхъ въ виду врачей-ортопедовъ, агро-
номовъ, инженеровъ, различнаго рода техниковъ,
и т. п. Огромное вѣльшинство
иностраннаго языковъ не владѣетъ, а тѣ,
которые владѣютъ, вѣльшинствуетъ слу-
жебнаго характера, незначительныя склонности, да
иначе бы было, то письмы не говорили, что
ограничение Россіи въ Скандинавскомъ
государствѣ подобно ограничению недавно
было введено. Даже въ Фарерскихъ островахъ въ Псаандѣ имѣть 2.700.000 жите-
лей, Норвегія имѣть 2.300.000 жителей,
а Россія 160.000.000 жителей. Человѣкъ
предполагать, что авторы переносныхъ со-
чинений ограничены тѣмъ требованіемъ по
отношению къ русскому языку, какъ и по
отношению къ нацѣнѣнію расизмъ. Даже въ
Норвегіи. Съ другой стороны, идетъ
такъ, мы видѣть другія доказательства,
по которымъ можно судить о вѣроятной
наготѣ въ Россіи цѣнна по переносамъ со-
чинений, а именно—сочиненія нашихъ ора-
гинальныхъ авторовъ. Здесь уже приходитъ
въ виду: сочиненія Гончарова стоять 29 руб.,
сочиненія Тургенева—15 руб.,
сочиненія Толстого—14 руб. и т. д. Весь-
ма естественно предположить и даже можно
утверждать, что большинство авторовъ
этихъ сочиненій стояло бы значительно
дешевле, посвѣту сѣдѣть предположить,
что иностраннаго автора тѣхъ сочиненій,
на широкийѣсть которыхъ можно разгово-
ривать, будутъ извѣдаться за переводы цѣ-
нную расценку сочиненія ограничивающа-
ся, или, по крайней мѣрѣ, близкую къ тому.
Если принять это во внианіе, то сль-
дуетъ сказать, что адѣльѣсть для себѣ
не о какихъ то 100 кроахъ, а
обѣ очень вручиши пластиѣ, который
будетъ извѣдаться за русскую публику.
И должноъ отговориться, что сдѣлать какой-
нибудь расчетъ относительно того, сколь-
ко придется платить русской публикѣ, со-
вершенно лишнѣ возможности по той про-
стей причинѣ, что въ этомъ направлениѣ
никакихъ извѣдованій не было сдѣлано въ
Никаніи данными комиссіи по распределению.
Это та область, которой она совершение
не коснулась. Между тѣмъ и полагаю, что
изгайдовать этотъ вопросъ необходимо. Го-
ворю это, въ конечнѣ, по нальшинъ об-
разомъ по желанию сдѣлать упрекъ комиссіи:
не для законодательной комиссіи произво-
дить извѣдованія такого рода—экономичес-
кихъ и статистическихъ, ибо, какъ Богъ, чтобы
бы при пачкихъ разнобояхъ защищали-
мы могло бы сдѣлать окончательный па-
мѣнь на основаніи предложеній и разре-
шеннія ораторовъ и въ
томъ приравнить ершу
тѣмъ. Но если до сїдуще
о томъ, что представители
и Право, народы прославляютъ
Холмъ какъ Шата Попы
чуть усиленную конкурс-
и встрѣчаютъ, и если они отъ
неудачи и страдаютъ, то путь
есть. Если же путь въ
переносы, то о губительной
и, признаюсь, никогда не
являясь другое обстоятельство
не смотря на нашу общую
литературу, во всѣхъ об-
стоятельствахъ огромная масса ис-
сочинений. Они не переведутъ
всю конкуренцію, а потому
трудъ перевода этихъ сочи-
неній затраты на вѣльши
достаточнѣ предпринима-
етъ правительство и не больши
редовинахъ проникненій. Но
нельзя ожидать, чтобы уста-
навливая права на переводы
свободы переводаъ вызвало
предприимчивость въ этоѣ
Слѣдующий доводъ коз-
и упомянутѣ свободамъ поре-
з необходимости установить ограни-
чнѣе правъ русскаго писа-
щескую крупную потерю.
Что этии повторно не стоятъ
потому что тѣ русскіе авторы
абѣ которыхъ переводятся
значительно болѣеѣстѣи з-
передъ награждены русской
сто того, чтобы ради нихъ
этой публики достучь къ вѣ-
ней книгѣ и облагать рус-
языческими расходами, и
же предоставить этимъ рус-
языческимъ защищать свои интересы въ
тѣхъ сочиненій изъ иностран-
наго падапенія вѣльши стр-
шагодно. Комиссія считаетъ
такъ сдѣлали ли губительныи
стѣмъ Россію. И, какъ сожалѣ-
аетъ представленію, въ чечѣ
настаетъ достописство Россіи и
стѣмъ можетъ потерять

должно възьти вашей средики школы поставлено неудовлетворительно. Для этой же положения оказывается дорогими даже первоначальные учебники, не обложенные никакими авторскими генерарами, тѣмъ больше они будутъ недоступны, если мы будемъ затруднено относительно права перевода. Можно, конечно, сказать, что предоставить специальную монографію и учебниковъ нужно составить русскю. Само собою разумется, что въ высшей степени желательно, но кто знаетъ это дѣло, тотъ долженъ сказать, что оно представляется въ высшей степени труднымъ. Вѣдь спрашивано говорить автодака, что число русскихъ ученыхъ и по настоящему время опасливается совершенно недостаточными для того, чтобы обезумнить себѣ разнообразия специальности. Съ другой стороны есть хорошо известно, что ученики приходятъ сердечные, наиболее преданные науки спаси и радиъ рѣщаются выучить учебники только послѣ 15—20 лѣтъ ежѣй педагогической деятельности. Затѣмъ, нужно смыть въ виду, что учебники, хотя и по подтипуютъ подъ, тѣль не цѣнѣ стѣрѣютъ очень быстро и это состоящіе учебниковъ совершается тѣль быстрѣ, чѣмъ быстрѣе путь вонъ отъ кратія и изобрѣтенія науки и тѣхники. Всѣтъ известно, что юридическая науки въ своихъ фундаментальныхъ издаѣніяхъ; однако, почти каждовъ въ съданіе настоящаго высокаго собрания вѣбрѣаетъ или передѣлываетъ главу или вѣкодѣло стравливаетъ на тѣль или оночъ въ учебниковъ право. Что касается учебниковъ по медицинѣ химіи, инженерной акустикѣ и пр., то точно также всѣкое новое изобрѣтеніе, покоръ открытию, вѣлѣлъ новой юридической науки вѣбрѣаетъ, по я думаю, что мы будемъ находимъся въ общемъ съ европейскими генерарами въопреѣ понятию стремлению къ застрашать получать съ рѣшилий доходъ за переводы или представляемыя, за композиціи фотографіи и т. д., по возможности оты строенія каков-то шансое право кулакъ, а нашъ отказъ въ этихъ притязаніи считать парализующими обязанностей. Мы приведшимъ суждена комиссии президиумъ торжествъ обобщеніемъ по авторской праве привилегій правъ соединеніе въ подвижномъ разрешать авторское право письти,—что представляется нынѣ,—то вѣль это совершилъ, который можно дѣлать осторожности увѣдомлять ственности. Но поглядъ фундаментальная права собственности обходно путь въ виду, чѣмъ познаватъ времена природы въ международныхъ сношахъ правятся съ правомъ плавателей. Можно сказать, что въ погонѣ за доходами они будутъ пользоваться изобрѣтателемъ и изѣкѣніемъ переводаами и давать переведи плохие и хорошие. Типы теоретическихъ предположенія, которыя я приводилъ предположеніемъ комиссии. Если же говорить на основаніи опыта, то гдѣ ли комиссіи не есть достаточно приличь условію извлечься на качествѣ нашихъ переводовъ. Плохіе переводы, несомнѣнно, изграждаются въ пѣсни артистичнѣе писателей, но я думаю, что мы будемъ находимъся въ общемъ

теоретической работы вносить некую поправку, которая требуется пересыпка учебника. Таковы главные мотивы, на которыхъ основывается и оправдывается у насъ свободъ перевода. И не буду останавливаться на фабрическихъ языкахъ действующаго закона, а перейду къ разбору тѣхъ соображений, которыми винятъ переводчика свободу перевода. Конечно приведя гла-
зующиye доказа. Но первыхъ, говорить она, сюда ли достаточно обоснованно предположе-
ние, что при уплатѣ тоннера пытается
внедряться въ прогаделки, переведеніи ли-
тература у насъ значительна подымется
на цѣнѣ. Пусть это предположение одна ли-
бо статистическая обоснованность, но вопросъ не въ
томъ, въ томъ, достаточно ли обоснованно
предположеніе конфесіи, что при уст-
раниніи свободы перевода — цѣны на переводы
пропадаютъ не волништесь, тань
всѣхъ измѣнъ отъ этого зависятъ, будемъ
ли мы платить тѣль за то же сборъ за
переводы въстранимъ произведения. Пр-
вильную себѣ предположеніе комиссіи ип-
тательной членѣ; но я думаю, что мы бо-
гаты гораздо больше переводами хорошими.
Нельзя чѣмъ у насъ ученыя сочиненія
переводиться подъ учеными специалистами,
или подъ подъ редакціей, или подъ редак-
ціей учныхъ журналовъ и переводы эти
сдѣланы по большей части тщательно. От-
носительно перевода литературы и
общедоступныхъ сочиненій, мы знаемъ,
что журналы и газеты газеты рассказы-
гаютъ всевозможными, образованными
переводчиками и переводчицами, которые
даютъ вполнѣ хорошия переводы. Исконецъ,
если мы обратимся къ нашей национальной сло-
весности, то найдемъ здесь, начиная съ
Музарасбага и Фернанда и кончая Най-
романомъ, Гербелемъ, Вебиберомъ и други-
ми, такую наслѣду перевода, какой
одна ли распознается другая литература.
Всѣхъ комъ слушаютъ можно, по мнѣніи
я, усомниться въ томъ, что, если бы
раньше действовала законъ, который им-
пература предъявляла професси, т. е., если бы
раньше было прописано вторжеское право
разнообразно по объему и
автору права. Необходимо
при этомъ, что всѣкое право
не относится къ вѣнгерской
языку изъ международной
территории всѣми значительны-
ми нарушающими уставы
жизни. Тогда, напримѣръ, въ
пограничныхъ областяхъ
странъ, можетъ быть по то-
ческимъ соображеніямъ, ис-
пользованію венгерской
и венской
собственности. Образ-
овану праву, имѣющему съ
свойствами, я считаю не-
затѣ, что оно представлена
не видитъ права, которое
смыслѣ, можно разглядѣть
такъ и которое обличаетъ,
литературную, художествен-
ную пропаганду, тоже въ
теняхъ и открыто. Законод-
ательная народность по въ-
полнѣ однобранной формы

то сюда же
перенесли
что учили
уносили; при-
ческой сно-
вь съдущему
шомыть не-
утронжать
и ванно вы-
такое слу-
женіе, если не
образить съ
или сенс-
летний, ко-

в проявляютъ сю на однихъ случаахъ въ
видѣ общихъ законоподѣйствій, а на дру-
гихъ—примѣняютъ его локально, т. е. при-
мѣтей, въ видѣ патентовъ, поданныхъ Госу-
дарственной властью. Но если попросить
такъ постановить, если государство, по
соображеніямъ посыпъ щеніи, и изменено—
для усиленія культурыныхъ пріобрѣтений
отъ пахката вознаградить, возможно сохранить
за собой распоряженіе этой привилѣ-
гіей, то пользоваться и раздавать ее одно-
вторгъ право лишь по соображенію цѣ-
лесообразности и выгоды. Съ этой точки
зрѣнія свободы международного общепол
относительно всѣхъ изобрѣтений и открытий,

запечатлеть в себе изображение и характер, относительно литературыных, музыкальных и художественных произведений, т. е. такую свободу, при которой никаких ограничений путь, никаких авторских правъ въ международной области по представляется, такая свобода обращеніе должна быть привнесена столь же значительной въ культурной, какъ и въ юридической, который принять въ Европѣ, т. е. установление этой привнесеніиъ подъ авторскаго права. Для правильного пониманія творческаго права и въ томъ числѣ права авторскаго, я долженъ еще отыскать одно обстоятельство. Въ области самой высокой и изысканной, въ области науки, по добруму существующему обычаю, авторская привнесенія не отрицатъ и изобрѣтатель для изобрѣтательской Удѣльной палаты патентъ; если береть его современный вошебничъ юриспруденціи Эдиссонъ, то не брали патента ни Кокъ, ни Пастерь, ни Ру, ни Эрихъ, ци Бюри, ни другіе иностранные ученые, а также наши соотечественники. Но добруму обычаю полагается, что первое изобрѣтение въ великаго ученаго гения, и малаго посвѣдомителя должно почесть, свободно и безвозмездно лежать въ ширь, хотя бы патентъ на его изобрѣтъ привнесъ вътору груды золота и дать бы ему богатства, быть можетъ, большіи чудаардовъ Ренфелора, Морица и Бернеджи.

Мы можемъ сказать, что эти доходы должны бы доставить изобрѣтателю право на

говарять противъ авторскаго права пообще, а не только противъ ограничения свободы перевода. Но это не совсѣмъ такъ. Гаубокъ уважалъ отреченіе ученихъ отъ патаграждений за ученылъ открытия, и признаю право писателей и изобрѣтателей, какъ честно добытое трудомъ и талантомъ достояніе и путь могущественнѣй производитель творческой производительности. Посему я не только высказываюсь за авторское право, но я подольше голосъ за 50-летній срокъ его въ Россіи. Я думаю, пусть тотъ же также французы, англичане, иѣзуиты поощряютъ своихъ писателей и изобрѣтателей; но не никакого основанія поощрять иностраннѣхъ авторовъ въ Россіи за счетъ русской публики. Промышленность

здесь между оригинальными произведениями и переводами различаю не могу, потому что здесь существует огромная разница по самому существу вещей. Иностранный авторъ создаетъ произведение по своему языку, а при переводе оно пользуется сокращающимъ чужого языка. Предоставлять крупный сборъ съ русской публикой, да быть источникомъ дохода для иностранцевъ национального языка, великое творение нашего народа и нашего гenia, я во имя оснований, какъ бы нижь оснований въ томъ, чтобы русские авторы пользовались для своего обогащения языкомъ французскимъ, пъсещиши пасъ англійский. Въ подтверждение того, что соображения, которые я имѣю честь выразить здесь изложитъ, не составляютъ моего личнаго мненія, позвольте себѣ указать, что въ этомъ именно духѣ родить посвященный законъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Именно тамъ не признается авторскими правами, какъ общее право. Въ Соединенныхъ Штатахъ необходимо, чтобы авторъ, желающий воспользоваться правомъ авторства, предъявилъ ведомое имъ сочиненіе и зарегистрировалъ его въ официальномъ учреждении; тогда ему предоставляется это право на 28 лѣтъ, съ возможностью возобновления. По тому же закону въ Соединенныхъ Штатахъ допускается перепечатка сочинений, изданыхъ на английскомъ языке за границей, если только авторъ въ течение самого короткого времени, а именно въ течение двухъ мѣсяцевъ не проводитъ регистрацію своего сочиненія въ по ведомствѣ, его на англійскомъ языке въ Соединенныхъ Штатахъ. Наша комиссія, уничтожая свободу переводовъ, не оѣшила экономической сторонѣ вопросъ и не входила въ ея обсужденіе, хотя дѣло касается именно обѣ экономическихъ интересахъ, о доходѣ иностранныхъ авторовъ отъ переноса и отъ расходовъ, который будетъ нести русская публика. Вѣдь оттѣ экономический интересъ и является, собственно, причиной, по которой вышеупомянутый законъ выдвинутъ въ разсмотрѣнію, такъ какъ безъ этого онъ могъ бы еще въ теченіе долгаго времени оставаться въ прежнемъ положеніи. Комиссія не наставляла этой стороны въ ее приказѣ, пока мы неожиданно ограничили интересы русскихъ читателей.

титутомъ по-
ро право лиши-
ается несъв-
ремънъ различи-
емъ удобить
закону праву,
и, на 30 дѣлть,
тъ, коль, пы-
тавъ авторское
же касается
литературной
слъ еще болѣ-
тъ же несъв-
ремънъ оставляемъ
ить въ силу
собственности
и, склоня-
ю, членкъ
ограниченія,
и въкультурной
стражданіи въ
дѣлко по всей
школьной полити-
ческое профес-
ной подложи-
сь въ автор-
ство съ соб-
одными съ-
собъ одно
изъ широкомъ
ческихъ пра-
въ, право ра-
зъ и публика-
ции и изобрѣ-
лестна сопре-
работки еще
одного права

По подложеннымъ соображеніямъ и впол-
чь призываю къ тому начагу, которое
дѣйствуетъ въ пашемъ имѣніи законо-
дательствъ и которое одобрило Государствен-
ицю Думою, т. е. проѣзю для Россіи наи-
большою благотворною публичою свободу
переводовъ. Но на тѣтъ случаѣ, если бы
Государственный Съездъ не принялъ къ
этому веорѣнію, Н. Н. Кобыланскій въ
сѣблѣ попытку внести поправку, которая
стремится оградить русскую публику, въ
измененіи американского законодатель-
ства. Эта поправка гласитъ, что необиче-
сокращается принципъ свободы перевода,
но что иностранцы могутъ быть предо-
ставлены авторскимъ праву, съ соблюдениемъ
довоально строгихъ условій. Пностранный
авторъ обязывается изъ точече иѣсанца, со-
дѣлъ паданія, зарегистрировать въ Россіи
своё сочиненіе и заявить, что оно издава-
ется въ загородскомъ праву, а за-
тѣмъ изъ точече даужи иѣсанецъ оно обли-
вать срѣзать переводъ своего сочиненія на
русский языкъ. Второе условіе ныть въ
виду оградить русскую публику отъ чрез-
вычайного гонения автору, таксирой избир-
гражденію его въ изгнаніи процертить
отношеніи къ чистому доходу. Что касается
перваго подложено, то оно систансено иль
духъ американского закона и предполагаетъ
имѣть осуществленіе. Вопросъ тутъ мо-
жетъ быть о срокѣ. Въ Америкѣ издава-
ютъ обложительное паданіе 2 иѣсанца, и по-
ставить три. Будетъ ли прописано 3, 4 или
5 иѣсанцевъ — это вопросъ дальнѣйшихъ со-
ображеній. Что насчетъ второго начага,
то въ виду общій соображеній, которые

заказа, мысль эта не требует подтверждения. Практическое же ее осуществление может быть весьма разнообразно: вы можете познакомить читателя с произведениями авторов из Верхоречья, или установлять практику. Съ принципиальной точки зрения, что таинь, где создается крупное ограничение для русской публики поистине ограничено и для многих авторов; но практика же самостоятельной столь же не трудна, как и распространение аналогичных других цынг, акимов и тарифов всегда будут иметь право на познакомление читателей с произведениями иностранных авторов за право назначено приблизительно в 5%, то сдается потому, что познакомление авторами иностранных произведений весьма равняется 15—25% всех книг.

Ввиду вышеизложенного я выказываю полную свободу переводов и, конечно, за пропаганду ЗБ статью оставляю в редакции Государственной, если же таковая не будет, принципиально в этом случае и предложить Николаю Николаевичу, который, как я могу судить о себе, новые начальства, единственный быть окончательно принят в качестве генерала и должна быть возвращена в конфискацию.

Всего более возмутительного и представлять себя нельзя: убили человека отъ подруги его жизни и затворил ее познанием ей даже проститься съ ее умершим, изъяснилъ.. И все можно? Просто болезнь, когда-бы Софью Адриенну не испортить предстоящего антихристово-атавистического торжества. Что счастье, быть может, умирающей Толстой живя приближенія съ церковью, быть может, она жаждала беседы съ служителями Христа, живя приближенія запустивъ въ кружокъ мѣръ. Это коршунъ стерегъ Толстого, крѣпко держа его въ свою когти. Интернациональный пигидиумъ былъ натренированъ до крайности предъѣзда: въсе всего въ скользкихъ связяхъ отъ постели умирающаго Толстого находились сторець-трусики въ сплющеніи и жданъ дѣла одного слова, чтобы немедленно явиться больному и соединить его съ церковью. Но пигидиальная страха была крѣпка. Черткофф и К' хорошо помнили, что дѣло идетъ очень большою счастью, и потому были весьма рѣшительны: присыпая телеграмму переприсутствующей членъ Святѣшаго Синода, телеграмму, полную трогательной любви и надежды, — отъ Черкасова салютуетъ революціи: «телеграмма не можетъ быть передана больному, такъ какъ она его натренирована»; боялся и непремѣнно въ борьбѣ жизни большого, —Черткофф диктаторски рѣшилъ: «неизвѣдъ!... И въ са-

MVIII.

съ веяния русским членамъ. Этого нынѣшній надо было ожидать, обѣ вѣтъ-смерти. Графу Толстому шелъ 83-й и ясно было, что это уже — залотъ. Къ смерти величайшаго человѣка всѣ оживились давно. Поэтому, если г. Мартьянъ, покъ передаваніи европейскій газетѣ «совершенно подавленъ», то это групъ фальшивъ. Просто же просто революціонеръ изрѣзъ изъображеніемъ вопросомъ о какъ-бы полгода и шире использованіи смерти Толстого въ революціонныхъ целяхъ. Иль смерти великаго человѣка они го веяния революціонное торжество, похоронъ того, кто отрицалъ царквь, — блажнительную революціонную страшно. Революціонеры право не по обрадовались этой смерти, пришедшей разъ съ разгорѣмъ сезона, наиболѣе удобно устраивать революціи демонстрации. Когда я прочиталъ ту телеграмму, я подумалъ: вотъ, мы будемъ сидѣтъ окружены революціонерами, надѣяясь на помощь... Весь чувства оторваний подумать обѣ этомъ гвалтѣ, обѣ грозы амортизма, которыя справляются съ революціонерами вокругъ единаго трупа... Толстой падъ оставилъ. Пытъ, послѣ его смерти, что очень сильно заинтересовалъ Поляка, для жизни съ становился дѣбильмъ при одномъ высокомъ стоянѣ. Представлять амортизъ и потишило необходимо было, чтобы Толстой умеръ не прокирипинъ съ церковью о съ государствомъ. И то обстоятельство, что они такъ скорѣю, съ такой неуводимой жестокостью стерегли Толстого отъ всякаго нежелательного для нихъ взаимія, по доказываетъ ли, что онъ, умирая, жаждалъ того же, чего жаждалъ и митрополитъ Антоній?.. Безспорно, для погибели въ два лѣта, спекулярующихъ на погибели, графиня Софья Аксакова было очень опасно: она — вѣрющая... И вдругъ бы Толстой спасъ сафжитсю Хреста: «Грѣшецъ и грѣшень! Свою великую душу посвѣтилъ десятпактии своей жизни въ долю Христы, да простить Онъ ми прѣѣхавши и да принять Онъ мое иль зданіе нравственныя!» Но этого не случилось. Черткоффъ и Бѣлый расправились съ Толстымъ безъ всякаго сѣченія. Они обвиинили его отцовствомъ состоянія его здоровья до тѣхъ поръ, пока онъ не сталъ угасать. А когда великій старецъ, уже ничего не помнилъ и не узнавалъ окружавшій, они, за 15 минутъ до его смерти, допустили къ умирающему графиню... Теперь она не можетъ уже помирать вѣтъ...

— государство и великое, честь и патриотизм и национализм. Но это было очень слабо и никакого вдохновения членов общества не имело. Великого — это сто бессмертных художественных произведений, в это волючее совершенство подавалось Толстого-стеля, Толстого — строителя. Учерь-
и, осталась съ собой умереть его фи-

Такъ, на газахъ у всей Россіи, представители пигиозма распрашивались съ русскимъ генераломъ.

Толстой ушелъ изъ этого мира, вѣшилъ примиренный съ Церковью и Государствомъ. Но онъ искалъ этого примиренія. Оно растаяло, оно тонуло... Одното достаточно...

Да не будуть слова осужденію ему. Онъ, беззлобный и честолюбивый, былъ съ головы до ногъ русский. Въ русской народѣ всегда будетъ читать съ печь великаго писателя земли русской и будегь гордиться имъ. Преславился предъ его могилой!

А. Савенко.

Къ кончинѣ Л. Н. Толстого.
Въ общихъ чертахъ болѣнь Толстого
было прохожденіе шести дней, пропедевшихъ
въ Астрапоѣ ныѣла, по словамъ «Шв.
Крем.», съѣзжавшую карточку. Сначала под-
нялась сильная простуда въ горгѣ, за-

жилъ въсѣго скрывающиъ то, чѣмъ онъ изданіемъ обеташа сѧ. Родыше всенаро-
дны, подъ видомъ поблажившаго и друго-
гопокойнаго, окружили его, обѣщавши
сѧ религию, и опровергнувъ посвѣд-
ченія си. Оно отъснило отъ него
его семью, даже его жену... На-
чъ всего культурнаго мира вуже-
хъ людей сдѣляло величайшее
существіе достоящемъ въ самомъ бук-
вонъ смыслѣ этого слова. И посмотрите,
въ отого піардо. Все, что сообщено
въ печати, производить такое впечат-
леніе, что Толстой, чувствуя близость
и, испытывая томление духа въ не-
свѣдомомъ и примирился съ первою.
Они его осудили... Здѣсь же Ильин
Толстой направился отъ монастыря.
очень характерно и очень поиздѣтель-
но вено говорить о душевномъ по-

бъ вѣр, о томъ, чьому было приложеніе вывести о чувствѣ. Ось искать сенъ, ощущать служителя Христо, ощущать всѣ прѣрующіе, существующіе вижненіе смерти... Былъ ли Толстой? Иль вѣнчанъ? Ось искать по-у, но чѣмъ вѣроють... Но искатели-вѣдаторы, покинувши Толстого у его и у Россіи, увезли его, стараго и больного, дальше. Они, какъ корытъ-сѣть, спѣваючи— сторожить свою жертву. Пусть, какой-бы это быть ударъ для земли, для интеллигентіи, если бы Толстой упалъ съ церковью!.. Видѣвать въ Черткова и Кѣ плютии стѣни слѣдѣть, нежившаго старца... Чертковъ— искы! Тысячи ли это? Развѣются, иль точно однаго взгляда на этого умнаго, самодоволившаго и отчимъ богатаго лича, чтобы нечно почувствовать, что осоворотна— маскарадъ. Чертковъ проѣхалъ карету и воротъ по толстови-на дружбѣ съ Толстыми. Но, своего честолюбія ощущаючи не изъвергъ никому... И такъ, вновь, двинувшися за толстовствѣ въ направлении, уведенъ монастыремъ, увезли въ Гаухшюль, въ стужу и новогоду. Газеты пиши-ти, какъ 32-лѣтній старикъ не могъ дѣлать на гравюре и пушной загонѣ иметь по открытому лицуциду, на про-віаціи холода. Гдѣ же это время было— друзья-покровители? Но дальше— не. Въ скромной квартирѣ начальника по Толстой былъ настоящий учини-Къ нему не допускали даже его же. Придумывали самый издорощъ отго-

Софья Андреевна изъ имѣнія и освободилъ гравюры: Ната, Андрей и Мария Львовна. Къ Астаповѣ опись подѣлила только Сергея Львовича и Татьяны Львовны. Въ Астаповѣ находилась, какъ уже известно, прѳдъ родителями Толстого, его архивъ и энциклопедія. Чергово, Горбунова-Пасадовъ и шинель Толльденшеръ. Чертковъ приѣхалъ по вызову самого Толстого, вторые два приѣхали по собственному же-заню; Толстой, узнавъ о нихъ приѣздѣ, принялъ обеихъ къ себѣ. Была получена телеграмма отъ старца Филиппа пустыни Іосифа, съ которымъ таинъ охотно бесѣдо-вали Толстой. Старецъ спрашивалъ, можетъ ли онъ избрать боязную инстанцію. Ему отвѣтили, что серьезность болѣзни пока не подразумѣваетъ подобныхъ споровъ. Сажу, о приѣздѣ въ Астапово единодушно замѣнили Корнила по окрѣпѣ: епископъ проводилъ черезъ Лебединъ и по цѣлью пакѣришилъ вѣжаль къ Толстому.

Борисополитъ «Пен. Врем.» говорилъ съ докторомъ Стаковскимъ, слушавшимъ вратами на извѣзной дорогѣ. Ось порывъ былъ пригашенъ къ Толстому, вѣтъ и пасадовъ его по пѣсочнице разъ. Ось трогательно описываетъ отношение Льва Николаевича къ врачу и ко всемъ окру-жающимъ. Толстой постоянно обращалъ, не уставши ни оно, ходи та пить, а также безпрекословно исполнялъ все ихъ требо-ваний, послушно приимкивъ вѣдара чисти-ши себѣ градусы. Ось кротко гляделъ на врача, спрашивалъ ипотѣ: «Чу, чтобъ Кисъ мой болѣзы? Очень, сорвалъ?» Форма воспоминанія легла къ Толстого—была садок

